

ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

gsz2004@mail.ru

НРАВСТВЕННОСТЬ И РАЗУМ

MORALITY AND MIND

Существенная связь нравственности и мышления заключается в том, что они возносят самосознание индивида до уровня *всеобщности* – целей и интересов.

Ключевые слова: нравственность, совесть, разум, понятие, истина.

There was a significant Association morals and thinking is that they raise their consciousness of the individual to the level of generality of the goals and interests.

Keywords: morality, conscience, reason, the concept of truth.

Истоки мышления уходят, вероятно, в социальную связь, в ее исходную – *нравственную форму*.

Во-первых, *нравственные императивы (повеления) всеобщы и общезначимы* с самого начала для той или иной социальной группы. Иначе социальная общность невозможна. Мышление тоже состоит в возведении единичных и частных фактов во *всеобщую* форму – в форму понятий. Сократ потому и учил афинян восходить от индивидуальных предпочтений (мнений) ко всеобщим понятиям, чтобы на основе понятий успешно решать *общие дела* государства. *Всеобщность понятийного мышления следует именно из общественности человека.*

Во-вторых, нравственные императивы обращены к *воле* и ориентируют на *действие*, на *поступок*. Тем самым *всеобщее и общезначимое правило становится фактором практическим, и именно поэтому и логическим*. Понятийному мышлению предшествовала длительная практика возвышения индивидуальной психики до сверхиндивидуальных повелений, а «Эго» – к первичному «супер-Эго». Последним «и был тотем – архаический родовой бог, которого нужно было любить больше себя самого (самоотречение)» [2, с. 178].

В-третьих, нравственные императивы повелевают осуществить *должное*, они *сверхситуативны* и прямо требуют *первичности идеального* над непосредственным опытом, требуют *осуществления должного*, а не только *индивидуально* желаемого. А *должное* есть *схемы работы воли*. Должное полагается как *цель*, определяющая внешнепредметную актив-

ность индивида. Ведь мы производим целенаправленно – будь то понятия, поступки или вещи. Получается такая связь: нравственные императивы-свобода воли - должное - цель - производство чего-либо.

Первичная надприродная социальная связь (нравственность) превращается под разными «вывесками» в *субстанцию* человеческой активности. Оказывается, за продуктивным воображением, творящим предметные понятия, тоже скрывается *свобода* воли, ставшая таковой (свободной) благодаря длительному процессу самоограничения, которому *мы учимся и ныне*, а род человеческий будет учиться *всегда*. Выходит, и способы мышления (логические категории) тоже есть схемы работы свободной воли? Бородай приходит к такому выводу [2, с. 286–287].

Именно *должным* человек оценивает то, что есть. Если реальность, сотворенная человеком, соответствует должному, то ее и называют *истиной в подлинном смысле* этого слова. Истина – слишком высокое по смыслу слово, чтобы определять ее как соответствие знания действительности (Аристотель). Это не истина, а *верное* знание, т.е. верное предмету. Предмет-то может быть убогим. Истина обретается страданиями и мудростью, а не экспериментом, как верное знание. Евангельские слова «Я есть путь, истина и жизнь» содержат именно такое понимание истины как *соответствие эталону-образцу. Подлинная истина есть соответствие предмета своему понятию, идее, должному совершенству*. Истинный друг тот, кто в самой действительности осуществляет *идею* дружбы и соответствует такой идее – мере. *Без идеальных мер-образцов не было бы должного, идеалов, а значит и стремлений к ним, не было бы благородства, ценностного вдохновения и творчества*. Для социально-гуманитарных наук о человеке именно такое ценностно ориентированное понимание истины является более конкретным и приемлемым.

В-четвертых, исходить из *должного*, чему учит совесть, значит исходить из представляемого *будущего*, из общезначимого *эталона*, а не из витальных импульсов тела. Самоограничение в настоящем ради будущего сформировало фундаментальную способность человека: *его активность организована отношением «будущее - настоящее»*. Эта способность отметил И. Кант, является «решающим признаком преимущества человека» [3, с. 48].

В-пятых, в историческом развитии людей образование понятий, вероятно, было производно от нравственных требований *родовых общин*, обращенных к индивиду: *делай и поступай согласно общепризнанному, все-*

общему (велениям богов, предков). Тем самым преодолевались природные вожделения и *аутизм* психики индивида. Аналогично развитие и современного детского мышления, замечает Ю. М. Бородай. «Превращение исходного аутизма ребенка в рациональные познавательные структуры немислимо без подчинения воле взрослых, без элементов внешнего принуждения» [2, с. 174]. Овладение реальностью, пишет Бородай, «путем превращения интимно близкого каждому «нравственно-должного» в безлично-логическую необходимость познавательного понятия очевидно было на первых порах делом весьма мучительным и рискованным. Историческая шлифовка ценностно-познавательных схем стоила человечеству множества «синяков», ибо у наших предков, решившихся на сумасшедший акт вольного *идеального* представления должного, не было никакого иного способа связать свои произвольные схемы с реальностью, кроме метода проб и ошибок – нужно было рискнуть войти в воду, чтобы научиться плавать». В системе образования современные поколения получают понятия «путем усвоения «вторичной реальности» – в значительной мере уже очищенного от культово-нравственной мифологичности космополитически *общезначимого* научного языка, становящегося аккумулятором всякого «чистого знания». Таким аккумулятором сегодня становится «машинный язык кибернетических роботов» [2, с. 309].

В-шестых, а это самое важное, возникшая нравственная связь практически обучала видеть за *внешними различиями тождественное, главное*: тотем *отождествлял* членов первобытной общины, сообщал им общую «идентичность», в рамках которой отношение различных индивидов воспринималось как отношение целого к самому себе, представленное визуально в тотеме. Относиться к себе и к другим как представителям *одного и того же* начала, не застревать на различиях – этому нравственная связь учила ежедневно, будь то защита территории или всякое иное *общее дело*.

В нравственных отношениях прозрачно проявляется *разумность* – высшая ступень мышления, соединяющего *понятие и ценность, цель и деяние*. И. Кант весьма точно обозначил нравственность как царство «практического разума». Эпикур тоже понимал существенную связь разумности и нравственности: «нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно» [1, с. 520].

Практический разум (нравственная воля) – *лучший диалектик*, он схватывает за эмпирическими *различиями тождественность* достоинства

людей, за *многообразием* деяний — *единство* нравственных повелений, за *игрой* чувственных побуждений и сил — *необходимость* нравственного повеления совести, за *единичным* поступком — *всеобщую* его нравственную значимость, за *посюсторонней чувственной* повседневной реальностью — реальность *умопостигаемую, должную и разумную*. Он соединяет понимание, переживание и действие, облагораживая природные побуждения и влечения.

Разум *есть знающее само себя соотношение* «всеобщее — особенное — единичное» (В — О — Е). Поэтому разум всегда исходит из целого, из всеобщего, из идеи, чтобы из свернутого всеобщего развернуть богатство особенных частей и синтезировать их в единичную целостность. Единение же В — О — Е дарует *гармонию* в жизни целого, будь то живой организм, семья, коллектив, государство или общность народа. Единение В — О — Е есть тот эталон, в «окрестностях» которого, выражаясь языком математики, колеблются все образования, сотворенные бессознательно природой или созданные разумными существами.

Поскольку в самой реальности (природной и социальной) в той или иной мере устанавливается на определенное время гармония между единичным, особенным и всеобщим, то есть все основания утверждать о том, что *разум не инороден универсуму*, что он пребывает в нем, например, в живом организме, где все члены дружно кооперируют свои усилия согласно мере целого; что разум всегда был и в истории, хотя не всегда в разумной форме.

В основательном исследовании Л. М. Косаревой раскрыта ведущая роль «моральной достоверности» в становлении научного мышления (Р. Декарта и др.), особой субъективности европейского человека XVII в. Степень объективности фактуальных свидетельств, подчеркивает Л. М. Косарева, «определялась не отсутствием заинтересованности субъекта, не отсутствием ценностной нагруженности акта свидетельствования, а, напротив, *максимальным присутствием в нем нравственного начала, доведенного до исключительной ориентации на благо для всех*. <...> Таким образом, категория «моральной достоверности» служила теми рамками всеобщности и необходимости, проходя через которые фактуальное свидетельство попадало в царство обоснованного знания» [4, с. 142–143]. Почему же «моральная очевидность» возвышает сознание субъекта до «всеобщности», ориентирует «на благо для всех», на «общечеловеческую точку зрения»? Вероятнее всего потому, что нравственность есть *адек-*

ватное выражение человеческой общности, общеродовой человеческой позиции духа, через оптику которой человек способен понимать реальность не только как «этот» индивид со своими единичными особенностями, но и как индивидуальный представитель человеческого рода, человеческой культуры.

Самый важны для человека выступает человек. Социальная связь, а не орудийная деятельность, не операции и т.п., дает ключ к разгадке феномена идеального, мышления. Деформации мышления, духовной сферы вырастают, конечно, не из техносферы самой по себе, а из превращения социальной связи в овещенную связь ценой нарастающей утраты человеческой общности, нравственных императивов экономики, политики, управления.

Итак, существенная связь нравственности и мышления заключается в том, что они возносят самосознание индивида до уровня *всеобщности*. *Основой* нравственности является интуитивно принятый *постулат совести*: *все люди имеют равное по значению достоинство* независимо от социального положения, национальности и других эмпирических характеристик. Данный постулат проявляется в основополагающих повелениях: относись к другим так, как ты бы хотел, чтобы другие относились к тебе; поступай так, чтобы правило твоей воли могло в то же время стать и принципом всеобщего законодательства; чтить свое собственное достоинство и достоинство других людей; не превращай других людей *только в средство* для своей воли и своих целей, человек — самоцель. Голос совести тревожит всякий раз, когда субъект ставит свое человеческое достоинство или выше, или ниже достоинства других людей. Нравственное отношение — только *умопостигаемое*, оно актуализирует понимание людей в их *всеобщем измерении* и является всегда *общезначимым* и бескорыстным. Нравственные отношения научают схватывать равноценность достоинства различных людей и работать не в рамках единичного и эмпирического понимания, а в аспекте всеобщего — целей и интересов.

Список литературы

1. *Антология* мировой философии: Античность. Минск-Москва: Харвест, АСТ, 2001
2. *Бородай Ю.М.* Эротика — Смерть — Табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис: Рус. феноменолог. о-во, 1996.
3. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980.
4. *Косарева Л. М.* Социокультурный генезис науки Нового времени: Философский аспект проблемы. М.: Наука, 1989.